

84(2=411.2)8-4

259

ТАША

СОКОЛОВА

COVID-19

ДНЕВНИК

ВОЛОНТЕРКИ

CA-394525

ТАША СОКОЛОВА

.....

ca-394525

COVID-19
ДНЕВНИК
ВОЛОНТЕРКИ

.....

МОСКВА / ОГИ / 2020

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я не планировала писать эту книгу и шла в больницу не для того, что собрать материал. Книга, как и пандемия, случилась абсолютно стихийно. Вначале сетевое издание, которым руководит мой муж, попросило написать заметку с объяснением, что происходит в больницах, — не репортаж даже, а рассказ от первого лица, что мы там видим. Долго собиралась с мыслями, делала какие-то наброски, писала, стирала и набирала снова. А потом, 19 мая, умерла моя первая пациентка — Юля. Я шла из больницы, слезы застилали глаза. За те две недели, что она пролежала, я успела к ней привязаться. Конечно и до этого я знала, что пациенты умирают. Умирают в реанимации, умирают в других отделениях, умирают даже у нас, но как-то закономерно, тихо и обычно ночью. Сегодня были — завтра нет, на их месте другой человек. Можно даже не интересоваться, где вчерашний, — может выпи-сан, может в реанимации, может в другом отделении. Юля умерла почти у меня на глазах — мы общались, а час спустя ее не стало. Я спустилась в метро, открыла текстовый документ и почти на одном дыхании на-писала рассказ. От первого лица, как и просил редак-тор. Тогда я поняла, что описание увиденного оказы-вает хороший терапевтический эффект. Вроде бы как перенесла события в какое-то облачное хранилище и немного отстранилась от переживаний. Тогда еще не было понимания, писать ли о себе, о короне или о пациентах.

Так же случилось и со второй главой — в душе накопилась критическая масса боли и ощущения несправедливости. И снова пришло успокоение сразу после того, как были дописаны последние строки. Без книги я бы, наверное, сошла с ума или ушла из больницы, не справившись с нагрузкой. Можно сказать, что за каждой главой в этой книге стоит пациент, погибший от ковида. Внутри книги они еще живые.

Автор сердечно благодарит:

- всех сотрудников и волонтеров ГKB-52 за то, что они встретились ей в жизни и дали согласие стать героями этой книги; отдельно по именам хотелось бы упомянуть: Александр Ванюков — создал волонтерское движение и помогал с переводом бабушки; Сергей Бучин — оказал помощь с переводом бабушки и приведением меня в чувство после ее смерти; Сергей Васильевич Царенко — важная консультация; Марьяна Анатольевна Лысенко — она создала всю структуру ГKB-52 и сделала волонтеров ее частью; Дмитрий Эдуардович Хохлатов — принял меня в структуру отделения и всегда относился как к родной;
- любимого мужа за то, что поддерживал в моменты резкого падения самооценки добрыми словами, а в моменты резкого падения глюкозы в крови — очередной шоколадкой;
- подруг, ставших первыми читателями и первыми критиками;
- анонимную летучую мышь, хоть и устроившую эту пандемию, но давшую шанс лучше понять хрупкость человеческой жизни и отношений.

О ЖИЗНИ И СМЕРТИ

Приходишь утром в больницу. Дежурная смена докладывает, каких-то фамилий больше не слышишь...

Вначале думаешь, что не расслышала, что устала, ведь полночи дописывала прошлую главу. Потом еще отчаянно надеешься — да, их нет больше в отделении, но вдруг их перевели в реанимацию, и там им станет лучше. Но нет, старший смены говорит: «острый респираторный дистресс-синдром», «оторвался тромб, кажется», «внезапно ухудшилась, даже в реанимацию не успели перевести».

НЕДОЖДАВШИЕСЯ ПИРОЖКИ

Сегодня я готовила пациентку к выписке — нужно было дать подписать согласие на выписку, помочь собрать вещи, узнать, по какому адресу нужно везти, и заказать туда специальное санитарное такси, развозящее по домам вылеченных пациентов с ковидом. Инга Александровна поступила в тяжелом состоянии, ей было трудно дышать,

поэтому требовалась постоянная кислородная поддержка. Мне сразу запомнилось ее красивое скандинавское имя. Говорила тихим полухрипом-полустоном. Я приходила и смачивала ей губы, поправляла подушки, иногда просто держала за тонкую руку, всю в кровоподтеках от катетера.

Где-то спустя неделю после поступления она попросила помочь ей сесть, а затем, немного смущаясь, спросила, не могу ли я причесать ее и заплести волосы в косу. У нее были густые пепельно-седые волосы. Расчесала и заплела «колосок», те пять минут, что я плела, ее утомили, и я помогла лечь обратно.

Но с этого дня всегда находила в смене время зайти и обновить прическу. В конце прошлой недели я зашла, а ее волосы были заплетены в косу и уложены вокруг головы — кажется, такая прическа называется «каравай». «Видишь, я уже и сама все могу», — похвасталась Инга Александровна.

Потом она помогала соседке по палате — давала воду, поправляла подушки, смеялась, что если бы не годы, то сама бы пошла волонтеркой после выздоровления. И вот утром врачи сообщили мне, чтобы я готовила ее к выписке. Как только она поступила к нам, я помогала ей позвонить сыну. Потом моя помощь уже не требовалась. А сегодня Инга Александровна сама позвонила и почему-то передала телефон мне. «Я знаю, что мою маму сегодня выписывают. Вы помога-

ли ей во время болезни, и мы с женой и сыном очень вам благодарны. Она нам много рассказывала о вас. Мы ее очень ждем. Приготовили ее любимые пирожки с капустой. Ей ведь можно?». — «Можно, можно», — смеюсь в трубку. Потом помогаю ей уложить вещи, остается только дожждаться санитарного такси. Ждать нужно в палате, когда оно приезжает, нам на этаж звонят, и мы провожаем пациента до приемного покоя.

Пока такси не было, я успела проверить все актуальные данные о пациентах, помочь Кате и Марине «зарядить» капельницы, измерить сахар, вколоть инсулин, раздать обеденные таблетки и сделать ингаляции нескольким пациентам. Последней, кому была назначена ингаляция, была как раз соседка по палате Инги Александровны. Марина спросила: «Сделаешь?». Я кивнула.

Зашла в палату. «Все еще не приехали за вами?» Она сказала что-то совсем невнятное. Вместо обычной теплой улыбки на лице была однобокая ухмылка, уголок левого глаза опустился. «Ыыы-ааа-ыы», — попыталась она что-то сказать. Я выбежала из палаты, бегом до конца коридора в ординаторскую. «Инге Александровне плохо! (Так, соберись, ты же можешь сказать все правильно.) «Пациентка из палаты 521.А — нарушена речь, искажена мимика левой половины лица». — «Так она же уже на выписку», — уже на бегу к палате удивилась Наталья Викторовна — ее лечащий врач. Инга

Александровна встретила нас повторным «Ыы-аа-оо», в ее интонациях слышалась боль. Врач быстро осмотрела ее и кивнула мне, застывшей в дверях. Слова тут лишние. Снова бег до ординаторской, меня ждут вопросительные взгляды. Киваю. Дмитрий Эдуардович командует в телефонную трубку: «Срочно. Реанимация в 521.А. Подозрение на инсульт».

Прибегают. Двое сразу в палату. Третий берет ближайшую каталку и толкает в сторону палаты. Помогаю. Останавливаемся в дверях. «Инга Александровна, дорогая, держитесь! Вам же там пирожки с капустой приготовили», — молюсь я. Реаниматологи действуют слаженно, перебрасываются короткими звучными командами. Кажется, они читают мысли друг друга. Дел много, но я стою по-прежнему в дверях. Врачи переглядываются, останавливаются. Качают головами. Смотрят на наручные часы, поднимая рукав защитного халата. Называют время.

Как во сне, помогаю вернуть ненужную каталку на место. Реаниматологи о чем-то говорят с Натальей Викторовной. Внезапно пищит их рация. На бегу кричат: «Мы напишем и подгрузим в систему».

Сижу в ординаторской. Сегодня в документах прочитала, что у пациента наблюдалась «сомнолентность» — легкое нарушение сознания, при котором пациент заторможен, однако адекватные реакции могут быть вызваны при помощи кратковремен-

ных внешних раздражителей. Наверное, у меня что-то похожее. В ушах шумит, ни одну мысль невозможно додумать до конца. «Позвонить ее сыну... пирожки с капустой... видимо, тромб оторвался... Позвонить пирожкам... Тромб с капустой...»

ПЕРВАЯ ПОТЕРЯ

Это не первый пациент, которого я потеряла. Первая — Юлия, ей было чуть больше тридцати. При поступлении ей поставили пневмонию средней тяжести. Обычно я приходила, измеряла температуру, задавала стандартный набор вопросов и уходила. Общаться мы начали, когда я первый раз повезла ее на КТ. Там, на первом этаже, всегда очередь. Юлия сидела в кресле-коляске и смотрела по сторонам. Вдруг она заговорила:

— А вы смотрели сериал «Неортодоксальная»?

— Нет пока, но много хорошего о нем слышала.

— Я вот очень рекомендую, я вчера все серии посмотрела, очень классный, — поделилась она.

— Я сейчас «Ходячих мертвецов» смотрю, — рассказала я.

— Ой, а какой сезон? Кто из героев вам нравится больше всего? — засыпала она меня вопросами.

Оказалось, что я только на середине сериала, а она посмотрела его до последней серии. С этого дня я всегда, приходя к ней в палату, рассказывала, насколько я за вечер продвинулась в просмотре.

— А вы любите спойлеры? — спросила она однажды.

— Да, я всегда предпочитаю знать, что будет в конце.

Юля рассмеялась:

— А я нет. Вот разве хорошо бы было, если бы я точно знала, в какой день меня выпишут? А так я каждый день жду заветных слов.

Где-то через неделю ей была назначено повторное КТ-исследование, и снова повезла ее я. Моя пациентка хорошо себя чувствовала и даже попросила нарушить правила и разрешить ей ненадолго встать с кресла-каталки, размять ноги. Прислонилась к стене около кабинета, пока ждали очереди. После исследования я ее встретила в коридоре, усадила обратно, довезла до палаты и занялась бумажными делами в ординаторской. Зазвонил телефон: «Можете пригласить Алёну Вячеславовну?» Передала трубку, врач нахмурилась, это было видно даже под респиратором и защитными очками.

— Ты же Юлию на КТ возила, как она там? — обратилась Алёна Вячеславовна ко мне.

— Бодро, разговаривали.

Врач кивнула в сторону двери: «пойдем».

Юля лежала лицом к стене, в наушниках. Алёна Вячеславовна окликнула ее, легонько потрясла за плечо, затем развернула лицо к себе. Глаза были открыты, но Юля уже не дышала. Прибежавшая бригада реаниматологов только констатировала смерть. Алёна Вячеславовна обняла меня за плечи, тайвекки зашуршали, мы вышли из палаты.

— Позвонили с первого (этажа, там где КТ), сказали, что разрушено почти девяносто процентов легких. Ей просто нечем было дышать, — тихо поговорила Алёна Вячеславовна, закрыла глаза и прислонилась спиной к стене, совсем как Юля у кабинета КТ пару часов назад.

Инга Александровна, Юля, мужчина средних лет с красивой восточной фамилией (разрыв селезенки), дедушка с тонкими прозрачными руками (острый респираторный дистресс-синдром в шесть утра), бабушка, которая все время звала какую-то Майю (ухудшилась, переведена в ОРИТ, но не спасли), женщина средних лет, она все время жаловалась, что чай недостаточно горячий (уже больше двух недель в ОРИТе на ИВЛ), бабушка в цветастом платке и с мусульманскими четками (реанимация в палате, не спасли)... Целая галерея лиц, имен, фамилий, тонких рук с катетерами и синяками, огромных, в пол-лица, глаз.

Но от некоторых лиц в памяти не оставалось, только воспоминания и рассказы их близких.

ПАМЯТЬ

Вот Оксана Ивановна Белых, она лежит у нас в отделении, а ее муж — в другом корпусе. Они созванивались по телефону. Рассказывает, что знакомы с первого класса, после школы поженились и расставались только на то время, что она была в роддоме — с сыном, а потом с дочкой. Все остальное время вместе. В понедельник я зашла к ней, она не говорила по телефону.

Уходя со смены, провела ее еще раз, она обеспокоенно сказала, что муж что-то не берет трубку. Я предположила, что, может быть, спит. На следующий день стало еще тревожней — я посмотрела по внутренней системе, в реанимацию его не переводили, но и в отделении он больше не числился. Оксана Ивановна распереживалась, подскочило давление. Испугались, что придется поднимать в реанимацию. Передали дежурной смене.

Всю ночь я думала, что же могло произойти, что за сбой такой. Утром в среду рассказала Дмитрию Эдуардовичу, пусть муж Белых и не наш пациент, но надо же найти человека. Дмитрий Эдуардович вообще самый умный, самый хороший, он может решить любую проблему. Звонили в отделение, где лежал Белых.

То не брали трубку, то просили ждать... «Пошли сами!» — бросил Дмитрий Эдуардович. Я никогда не слышала, чтобы чело-

век так ругался. Оказалось, что муж Оксаны Ивановны умер еще в понедельник, как раз во время смены ночного состава на дневной, а вот посмертный эпикриз до сих пор не написан, в системе он не числился, в отделении не лежал, переведен не был, выпи-сан тоже.

Искала-то его я, человек, не до конца освоившийся в системе, — как посмотреть умерших, не знала, а когда Оксане Ивановне стало плохо, она врачам про свои волнения и рассказать не успела.

Сообщали про мужа Белых мы вместе, точнее говорил Дмитрий Эдуардович, а я только пыталась проглотить комок в горле и гладила Оксану Ивановну по руке. На пальце ее поблескивало обручальное кольцо...

В отделение из реанимации перевели Татьяну Воробьеву. Руки в синяках, глаза запавшие, на шее — трахеостома. Говорить она могла, только зажимая ее рукой. Через какое-то время из хранилища принесли ее вещи, ведь в реанимации пациенту ничего из личных вещей не положено. Я помогла их разобрать, найти телефон, поставить на зарядку. В реанимацию она поступила еще месяц назад, как забрали из дома на скорой, так сразу в ОРИТ и положили.

Пациентка переживает, как там муж и сын. Успокаиваю, объясняю, что хоть посещения и запрещены, но родственники звонят в справочную больницы или в ординаторскую, и им рассказывают о состоя-

нии пациентов. Предполагаю, что если они звонили вчера или сегодня, то муж с сыном уже знают, что ее сняли с ИВЛ и переводят в отделение.

Татьяна очень слаба, и, когда телефон наконец, включается, позвонить сама не может. Помогаю, нахожу номер мужа в записной книжке. Звоним. «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети». Звоним сыну. Те же слова автоответчика. Воробьева начинает волноваться, предлагаю позвонить кому-то из друзей семьи. «Танечка, родная, ты поправилась! — подруга говорит громко, мне все слышно. — А тебе не сказали? Ничего не сказали? — долгая-долгая пауза. — Леша умер двадцать четвертого апреля, а Слава — двадцать девятого».

Пациентка кричит на одной пронзительной высокой ноте, из-за отверстия трахеостомы в горле крик сиплый, жуткий, захлебывающийся. Телефон падает у нее из рук.

Потом она расскажет, что когда скорая ее увозила, у них обоих не было никаких симптомов. Из истории болезни я узнаю, что сразу после госпитализации ее подключили к аппарату ИВЛ, ввели в медикаментозную кому. Потом подруга Татьяны расскажет, в какую больницу увезли ее мужа и сына. Позвоню, найду лечащих врачей обоих, узнаю, что произошло. У мужа на фоне лечения тяжелыми препаратами развилась повышенная вязкость крови, образовался тромб. У сына случился отек легких.

На следующий день Воробьева отказалась от еды и питья, сказала, что у нее нет причин жить. Жидкость капали внутривенно, перевели на зондовое питание. Она, зажимая отверстие от трахеотомии в шее, просила не лечить ее и дать ей умереть. Дмитрий Эдуардович пришел к ней в палату и долго-долго уговаривал бороться. Вышел от нее, избегая смотреть нам в глаза. Через пару дней ей снова стало хуже, ее вновь перевели в реанимацию. Я ежедневно проверяю ее по внутренней системе. Пока она в ОРИТ, а вещи и телефон снова в камере хранения. Эта история пока не окончена*.

И вот я назвала главу «О жизни и смерти», а написала, по сути, только про смерть. Где же тогда жизнь? А жизнь — она не в этом тексте, она в том, что сюда не попало. Жизнь тех, кто ухудшался, но их спасли, тех, кого привозили тяжелыми, но постепенно они шли на поправку, жизнь тех, за кого боялись вне смены и почти не надеялись увидеть утром, а они упрямо просыпались и засыпали, дышали пораженными легкими и пусть нескоро, но шли на выписку. Жизнь в них, и жизнь перед ними. А об Инге Александровне, Юлечке, муже Белых, муже и сыне Татьяны Воробьевой — только память. Светлая память.

* 22 мая утром Татьяна Воробьева умерла.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

5

Глава 1

ПУТЬ В БОЛЬНИЦУ

7

Глава 2

О ЖИЗНИ И СМЕРТИ

32

Глава 3

О ТОМ, ЧТО СТРАШНЕЕ
КОРОНАВИРУСА,
ИЛИ ЭТАП ОТРИЦАНИЯ

43

Глава 4

ТРАМПЛИН ПЕРЕД ВЕЧНОСТЬЮ

58

Глава 5

КОВИД ГОЛОВНОГО МОЗГА

89

Глава 6

ПИРОЖКИ С КОВИДЛОМ

101

Глава 7

ВОЗВРАЩЕНИЕ КОВИДА:

МЕЖСЕЗОНЬЕ И ВТОРАЯ ВОЛНА

114

Глава 8

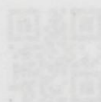
СПАСИБО ЗА БОТАНИКУ

162

Глава 9

УРОКИ «КОРОНЫ»

179

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

**Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.**

**Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 60-61-28**